

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-98-109

УДК 81

НОМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА В ПРОЗЕ И. АБУЗЯРОВА

В.Р. Аминова, А.Н. Набиуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Объектом исследования является творчество современного российского писателя И. Абузьярова, в прозе которого обнаруживается взаимодействие традиций русской, европейской и восточной культур. Это взаимодействие проявляется на уровне создаваемого в произведениях образа мира, их сюжетно-композиционной структуры, пространственно-временной и субъектной организации, образной системы и др. Проблема взаимодействия разных национальных традиций в эстетическом поле русскоязычной литературы, статус которой вызывает дискуссии в современном литературоведении, представляется актуальной.

Исследование находится в контексте идей транскультурности и продуктивной культурной «гибридности», активно разрабатываемых в зарубежном и отечественном литературоведении. Выбран теоретически значимый и неизученный в конкретно-историческом плане аспект — исследование сферы персонажей и системы их номинаций. Определены два основных способа обозначения персонажей, используемых писателем, которые соответствуют двум концепциям личности и вытекают из жанровой природы произведений и принципов организации их субъектной сферы.

Ключевые слова: современная российская проза, культурное пограничье, поэтическая ономастика, культурные коды, концепция личности

1. ВВЕДЕНИЕ

И. Абузьяров — современный русскоязычный писатель, создающий произведения в парадигмах русской, западноевропейской и восточной культур. Литература, реализующая феномен культурного пограничья, обладает особой художественной природой, которая требует научно обоснованной и адекватной эстетической оценки. Нуждаются в осмыслении ее статус по отношению к литературе метрополии и мейнстрима, место и роль в современном российском литературном процессе. Представляется необходимым разработать методическую систему изучения произведений, создаваемых на стыке культур и воплощающих новые формы «гибридной» идентичности.

Взаимодействие различных традиций и элементов разных художественно-эстетических систем определяет специфику образа мира, создаваемого в русскоязычной литературе, принципы организации субъектной сферы произведений, их жанрово-композиционные и стилистические особенности. Н.Л. Лейдерман считает, что русскоязычная литература отличается от собственно русской тем, что в

ней «художественные тексты структурно организованы диалогом между русским и инациональными моделями мира» [1. С. 52, 54]. К.К. Султанов констатирует факт использования национальными авторами русского языка как средства творческого самовыражения и рассматривает русскоязычную литературу этнически нерусских писателей, опираясь на два основополагающих тезиса: «принцип, или презумпция, равноправия языков самовыражения и русскоязычие как фактор национально-литературного самоопределения» [2. С. 155]. Ж.В. Бурцева, анализируя художественно-эстетические особенности современной русскоязычной литературы Якутии, приходит к выводу, что в творчестве поэтов «прослеживаются тенденции, связанные с построением своеобразной художественной картины мира в контексте не только русской и якутской литературных традиций, но и в объеме культуры как целого» [3. С. 119].

Однако одновременное сосуществование в «пограничном» художественном тексте различных культурных кодов и соответствующих им языков может принимать различный характер в зависимости от того, какие отношения устанавливаются между ними. Соответственно, будут различаться и предлагаемые русскоязычными авторами специфические способы художественной интерпретации картины мира. С этой точки зрения особый интерес представляет творчество современного российского писателя И. Абузярова, характеризующееся плюрализмом культурных голосов, интертекстуальностью, активным использованием приема игры, экспериментами в области жанров.

Произведения писателя становились предметом анализа в критических статьях Е. Москвина [4] и Д. Померанцева [5]. Из серьезных литературоведческих исследований заслуживает внимания статья Д. Уффельманна, в которой на примере повести И. Абузярова «Чингиз-роман» исследуется постколониальное восприятие посткоммунистической действительности и анализируются особенности изображения подчиненной маскулинности под маской кочевой культуры [6]. Однако транскультурность творчества писателя и соответствующие транскультурному типу художественного сознания принципы поэтики и стиля до сих пор не становились предметом самостоятельного теоретического осмысления. На материале рассказов писателя, включенных в сборники «Курбан-роман» (2009) и «О нелюбви» (2016), впервые предпринимается попытка проанализировать один из важнейших аспектов создаваемой писателем модели мира — сферу персонажей и систему их номинаций.

Исследование художественно-эстетической природы «пограничных» явлений в современном литературном процессе позволит решить ряд теоретических проблем внутрилитературного синтетизма: определить его формы, приемы интеграции элементов, принадлежащих к разным художественным системам и традициям, охарактеризовать художественно-эстетические результаты межкультурного диалога в дискурсе «пограничного» типа.

Методы и материалы. Русскоязычная литература рассматривается в аспекте транскультурной модели художественного развития, которая предполагает «культурное разнообразие и универсальность как достояние одной личности, состоящие в виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам» [7. С. 97].

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составили труды отечественных [8; 9] и зарубежных ученых [10; 11], в которых обосновывается диалогическая природа художественного творчества.

И.С. Семененко утверждает, что существование «трансграничных культурных ареалов» порождает «новые формы гибридной культурной идентичности» [12]. На концепцию предлагаемого исследования оказали влияние работы отечественных [13] и зарубежных [14—17] ученых, посвященные исследованию данного феномена. Анализ встречающихся в тексте обозначений персонажей, выполняющих идентифицирующую функцию, проводится с опорой на труды по поэтической ономастике [18; 19]. В решении поставленных задач предполагается использование системно-структурного и контекстно-герменевтического методов.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Устойчивый для писателя прием идентификации персонажей, используемый им в рассказах «Бедуинка», «Бербер», «Мавр», «Манекен Адама» и др., — это их номинация, отсылающая к определенной культурной и/или национальной традиции. Так, в рассказе «Подстилка из соломинок» (2002) главный герой неоднократно называет себя факиром, что одновременно говорит и о роде его деятельности (герой — уличный музыкант), и о его бедственном финансовом положении, и о его мировоззрении: факир — мусульманский аскет, давший обет нищенства. Близость людей друг к другу в переполненном троллейбусе, который напоминает герою священное место, не раздражает его, а, наоборот, одухотворяет на совершение зикра. И неслучайно здесь он встречает свою возлюбленную.

На первый взгляд маргинальный образ жизни героя кажется отталкивающим: он не имеет постоянного места работы, стабильного заработка, ночует на чердаках. Но постоянные отсылки к мусульманской культуре делают такой образ жизни героя понятным и раскрывают основу его жизненной философии: он сторонник суфизма, а, значит, главными в жизни для него являются духовные, а не материальные ценности. Возлюбленная героя, утешая его, призывает:

Расслабься, не думай ни о чем. Ведь ты лучше меня знаешь, что трубадуры выросли из суфиев, а от трубадуров оттолкнулось Возрождение, а от Возрождения классицизм, а из классицизма вырос джаз и рок-н-ролл. Расслабься, будь, как трава... [20. С. 190].

В одной плоскости оказываются следующие друг за другом культурный, природный и человеческий ряды, что является выразительной формой их исходного синкретизма.

Герой отдает все заработанные деньги поющей вместе с ним нищей женщине, называющей себя служительницей гражданского бога, и предается воспоминаниям о своей возлюбленной, которую сравнивает с самым чистым звуком в природе:

Бывает чистый звук — это звук травы на болотах [20. С. 194].

Данный рассказ носит медитативный характер и приобретает лирико-философские оттенки притчи, которая, в свою очередь, восходит к сурам Корана.

Этот же прием используется и в рассказе «Бедуинка» (2003), в котором повествование разворачивается в двух планах: бытовом — у героя разболелся зуб, и он вынужден обратиться к стоматологу за помощью, и воображаемо-бытийном — лечащий врач представляется ему бедуинкой, красавицей из сказок «Тысяча и одна ночь», совершающей настоящие чудеса. Себя герой-рассказчик идентифицирует с воином, странником пустыни, за которым после долгого боя ухаживает бедуинка. С пустыней Сахарой герой сравнивает и свой пересохший рот, и ближайшее окружение, в котором никто не воспринимает его как писателя:

Я был без роду без племени в безжалостной пустыне Сахаре среди враждующих бедуинских кланов [20. С. 89].

Тема Сахары возникает и в размышлениях о своем творчестве:

Кто-то мне сказал, что все мои рассказы — один сплошной кофе. Что они построены на твердых обжаренных зернах. На брошенных в кипяток зернах. Что мои рассказы — кофе с сахаром. Пусть будет так — Сахара [20. С. 88].

Разные ряды концептуализации действительности оказываются рядоположенными и пребывают в одной плоскости: зубная боль и внезапно вспыхнувшая любовь к врачу-бедуинке, экспромтом написанные стихи и изюм, набивший оскомину, творчество и одиночество по ночам. Многолинейное перекрещивание этих рядов создает полифонический эффект. Целое предстает как результат действия разных сил, взятых в момент их перехода: от одиночества — к любви с первого взгляда и к разочарованию, от рассуждений о своем творчестве — к самому акту творчества.

В основе композиционной организации рассказа «Бербер» (2004) лежит тот же принцип сопоставления-тождества, по которому соединяются разные темы — парикмахеры и палачи, косметический салон и место экзекуции, стрижка волос и казнь, что делает возможным их восприятие как сходных, даже однопорядковых. Оба смысловых плана, идущих вперемешку, символически сходятся в номинации «бербер». Так главный герой называет грозного мужа парикмахерши Сарижат Салавата:

...ну, ни дать ни взять — настоящий бербер, настоящий грозный убийца пустынь, где нет места иным чувствам и иной интонации. Бербер — от римского слова «барбар», что значит «дикарь, варвар». Но в переводе с турецкого «бербер» — парикмахер, брадобрей, цирюльник [20. С. 177].

И далее:

«Бербер — грозный воин пустынь, лев, волк, шакал», — погружался в собственные мысли Абдул [20. С. 182].

В парикмахерской герой ощущает себя «мучеником, дервишем, добровольно избравшим путь очищения тела» [20. С. 167]. Рассказывая Сарижат свои по большей части вымышленные любовные истории, Абдул словно исповедуется перед казнью, уподобляет себя красавице Шахерезаде, а Сарижат — падишаху Рашиду аль-Гаруну. Однако тема смерти в рассказе реализуется неожиданно и парадоксально: посещая парикмахерскую, каждый раз умирал и воскресал помолодевшим Абдул, а в действительности умирает Сарижат, которую, как догадывается герой,

из ревности к нему убил муж-бербер. После столкновения с ним герой постигает смысл своего имени и своего предназначения в жизни:

... только тут понимает, что значит по-настоящему любить и умереть... Впервые Абдул чувствует себя смиренным носителем своего имени — покорившимся воле Всевышнего мусульманином [20. С. 184].

Герой рассказа «Чингиз-роман» (2004) называет себя Шихи Хутуху (Писчим Чингиз-хана) или Азат Кеше — свободным человеком. Каждый вечер он слышит неведомую стук-звезду и чувствует свою физическую силу и необходимость ее применить. В эти моменты агрессии, подобно первобытному человеку, герой нуждается в выплеске эмоций, например в драке. Он чувствует себя волком, воином, не хочет мыться и соблюдает Ясу — свод запретов и правил, в который запрещено вносить изменения. Дикий, необузданный герой живет первобытными принципами, соблюдает законы кочевников, но все меняется, когда он встречает Женю, которую сравнивает с женой Чингисхана Эржен Оэлун.

В душе героя происходит мучительная борьба между «природой» и «цивилизацией», между стихийным, жестоким и вместе с тем героическим образом жизни, с одной стороны, и пробудившимся чувством личности, индивидуальным началом, выражающимся в любви к женщине, которая воспринимается как предательство своего хана, — с другой. Череда вопросов отражает распад эпической целостности человека и намечает перспективу возможного несовпадения героя с избранной им позицией и ролью:

Неужели меня поглотила ее воздушная, как замок, лоскутная и холодная, как атласное покрывало, культура? Неужели я ей поддался? Восхитился? Начал подражать этой культуре? Отказался от Чингиз-поэзии? Стал подражать своим трусливым, беспомощным, слабовольным врагам? Стал таким же, как они? [21. С. 95].

В этой борьбе побеждает природная сила и воинственный дух человека степи. Герой отказывается от любви и женской ласки и вновь ощущает себя наследником хана, человеком, ведомым звездой, великим поэтом Шихи Хутуху. Этому процессу самоопределения и самоидентификации персонажа соответствует циклическая концепция времени и круговое движение с возвращением к исходной точке:

Чтобы на следующий год другой мальчишка, еще жеребенок, еще верблюжонок с молоком на губах, пришел на это самое место на пьяненьких ножках [21. С. 98].

Эмоционально-психологическое состояние героя, добровольно принимающего месть пятнадцати подростков, избивающих его, проецируется на законы мироздания и космоса, в изображении которого мифопоэтический аспект поглощает личностный:

И понял: этот стук зовет его вверх — к удали. Эта звезда влечет его в небо — к свободе. И, поддаваясь этому зову, он крикнет: «Ура! Руби!», — и пойдет, ощущая простор и бесшабашность в груди, крушить все на своем пути... Крикнет, зная, что нравится сверкающей звезде — там, в небесах. Что он вместе со звездой. И головокружительное ощущение великого духа переполнит его сердце... [21. С. 98].

Расширяющийся охват картины мира, идущий по вертикали, открывает космос, живущий по своим законам и осуществляющий свой смысл в соответствии с пред-

начертанной высокой целью — соединением частного и общего, неба и земли, верха и низа, статики и динамики, активности и пассивности, направленности вовне и углубленности в себя.

В рассказе «Мавр» (2005) сюжетообразующим элементом становится сон героя, создающий вероятностную, неопределенно-множественную модель мира, статуса субъекта и его судьбы. Вместе с тем повествование организуется в соответствии с жанровой стратегией притчи: создается внутренне единая и вневременная, телеологическая в своей универсальной замкнутости картина мира. Она устойчива, не случайна, провиденциально завершена. Герой, проходя через испытания и совершая выбор, постепенно постигает самого себя.

Игровые автоматы — определенная культурная реалья современной эпохи. Это разновидность игры, подобной рулетке или лотерее, в которой участники доверяются все разрешающему случаю, поскольку их воля и порыв к победе мало что решают или не решают ничего. Игра моделирует ситуацию поединка двух противников — «наивных отроков», надеющихся на удачу, и «прожженных пиратов»:

Втереться в доверие к одноруким бандитам можно было, став их рабом или на худой конец помощником в темных делах [20. С. 245].

Жажда личного успеха и самоутверждения толкают героя на игру с обстоятельствами, с законами внешнего мира. Он принимает предложение быть аттендантом, обслуживающим игровые автоматы, и становится «Юнгой»:

Будучи юнгой, я чувствовал себя вполне уютно и комфортно в прокуренном помещении в компании сомнительных личностей. Отныне моими спутниками стали морские волки, моряки-разбойники, прожженные бандюги [20. С. 244–245].

Герой, студент экономического факультета, смог подчинить иррациональную стихию игры рационалистическим расчетам — разгадал «психологию» автоматов и вскоре неожиданно разбогател. Мечтая стать капитаном и строя честолюбивые планы — открыть свое казино и объездить весь мир, — герой идентифицирует себя не с вором, а с разбойником и следует принципу: «С волками жить — по-волчьи выть» [20. С. 246].

Эта история получает вполне реалистическую социальную и психологическую мотивировку: бедность, поиски заработка, соблазн выиграть за одну монету целое состояние. Но оказывается, что достаточно не очень значительных сделок с совестью и уступок тщеславию, любви к комфорту, легкомыслию, чтобы силы зла поработили человека. Социально-психологическая конкретность и детерминированность происходящих во сне героя событий неразрывно связаны с мироощущением, допускающим вмешательство сверхъестественного в человеческую жизнь.

Воплощением злого Рока становится профессор логистики, которого студент называет Мавром:

Его изумрудные глаза, искрящиеся мужественностью, делали его безумно красивым, то есть безумным, а значит, красивым своей грозностью... И этот его грозный взгляд показался мне тяжелым, как гроздь винограда. И как же он не сочетался с

красными корсарскими шароварами, пестрой жилеткой, малиновым кушаком, татарской тюбетейкой [20. С. 248—249].

С момента встречи студента с Мавром в его жизни начинает действовать закон немотивированности, неожиданности, случайности, превращающий цепь событий в последовательность эксцессов: не сдал экзамен, потерял работу, оказался должен «грозным друзьям» значительную сумму денег и т.д. Но, начав читать «Книгу своей судьбы» — историю жизни финикийского пирата эпохи великих халифов, для того чтобы сдать экзамен по логистике, студент понимает, что все положения, в которые он попадает, характеризуются невозможностью выбора и решения, фатально детерминированы его судьбой.

Ситуация игры в шахматы с Мавром (это иной тип игры: здесь в отличие от автоматов участники должны использовать свои знания, интеллектуальные возможности) моделируется как конфликт двух неравных противников. Студент желает выиграть и сдать экзамен, хотя рискует при этом все потерять — быть исключенным из института. Мавр выступает как орудие Провидения — за ним стоят некие высшие силы. Он является носителем сверхзнания и предстает в ореоле моралистического назидания: объясняет герою, в чем состоит его вина и за что он подвергается наказанию:

... вы решили обмануть свою судьбу и выбрали наиболее дерзкий способ... Плохо в вашем поступке то, мой друг, что вы не покорились своей судьбе, а с помощью тайных знаний попытались изменить ее. Гордыня, мой друг, — страшный грех. Как и азарт, и алкоголь, и гашиш, и женщины, — мне ли вам говорить, что это такое! [20. С. 265].

Мавр дает религиозно-философскую интерпретацию проблемы соотношения недетерминированной свободы воли человека и его подчиненности фатальной цепи причин и следствий:

Выбор есть всегда. Даже под дулом пистолета. Аллах дает нам право выбора, дает возможность выбрать то, что соответствует душе [20. С. 268].

Профессор называет студента азартным человеком, поясняя:

Вот и азарт — от арабского «азар», или «зар», что означает игральные кости. И все эти вещи связаны с эйфорией. Человек, прикоснувшийся к ним, испытывает такой прилив эмоций, что хочет вновь и вновь их ощущать [20. С. 266].

В этом разговоре-поединке происходит внутреннее изменение героя — совершается его переход из одного жизненно-идеологического статуса в другой, смена точек зрения на жизнь. Из азартного человека, «пирата» он превращается в суверенного, инициативного, свободного от сверхличной мотивировки субъекта этического выбора: отказывается от predetermined Книгой убийства учителя и меняет свою судьбу. Тем не менее, в своих собственных глазах он — «школяр», человек, получивший важный жизненный урок.

Множественность обозначений персонажей рассказа: студент — attendant — разбойник — пациент с клинической патологией — молодой человек — финикийский пират — человек, «заблудившийся в темном лесу собственных страхов», и существо, ползущее к водопаду «на четвереньках, перебирая дрожащими рука-

ми и ногами и поджав хвост» [20. С. 255] — Сусанин — бродяга и т.д. — с одной стороны; мавр — доктор — профессор — страшный человек — маг, волшебник — философ-богослов — Али-Баба — экзаменатор — учитель — с другой, — связана с изменением социального статуса и эмоционально-психологических состояний героя-рассказчика. Гетерономинативность отражает также динамику самооценки персонажа и оценки им своего антагониста в различных ситуациях.

В повестях «Курбан-роман» (2006) и «Роман с жертвой» (2016), образующих своеобразных диптих, используется прием деконструкции культурных кодов как способ идентификации персонажей. Исследование особенностей функционирования в них мифологических сюжетов об Ибрахиме и Исмаиле и о Каине и Авеле показало, что герои не соответствуют своим прототипам, выходят за пределы обозначенного библейским сюжетом ролевого поведения [22].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в прозе И. Абузярова важнейшим приемом идентификации персонажа становится его номинация, характеризующая его как представителя определенного этноса, типа культуры: бербер, бедуинка, факир, мавр и т.д. Подобный способ номинации персонажа выполняет различные функции: выявляет его социальный статус и ролевое поведение («Бедуинка», «Бербер», «Подстилка из соломинок»), раскрывает потенциал личности, круг ее жизненных возможностей, судьбу и назначение человека («Чингиз-роман», «Бербер», профессор в «Мавре», Марьяся в «Курбан-романе» и Марыйся в «Романе с жертвой»), отражает процесс его самопознания и самоопределения (студент в «Мавре», Юсуф в повести «Роман с жертвой»).

Другой способ обозначения персонажей строится по принципу «это-дейксиса», устанавливающего экзистенциальные отношения тождества, единства, взаимопроникновения человеческого, культурного, природного рядов («Бедуинка», «Подстилка из соломинок», музыкальные аллюзии в диптихе «Курбан-роман» и «Роман с жертвой»). Каждое из подобных определений содержит указание на тайну индивидуальности персонажей и очерчивает поле возможных интерпретаций личности героев.

Система номинаций в рассмотренных произведениях И. Абузярова обусловлена особым типом их субъектной архитектоники — повествование в большинстве из них (за исключением рассказа «Бербер») ведется от лица героя-рассказчика, поэтому важную роль играют его автономинации и обозначения им других персонажей, имеющие идентифицирующий и/или оценочный характер.

Два разных принципа обозначения персонажей соответствуют двум концепциям личности — функциональной, основанной на социальном статусе и ролевом поведении человека, и сущностной, строящейся на характеристике человека как центра самосознания, субъекта, обладающего свободной волей.

На выбор номинации персонажей влияет и жанровая природа рассказов И. Абузярова, имеющая гибридный характер: тексты произведений включают в себя элементы лирической медитации, волшебной сказки, мифа, притчи, анекдота,

фантазии и др., которые вводят в трансформированном виде разнообразные литературные и культурные эпистемы, создавая ризоматическую модель развертывания текста.

© Аmineва В.Р., Набиуллина А.Н., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур // Русская литература XX—XXI веков: направления и течения. Вып. 8. Екатеринбург, 2005. С. 48—59.
2. *Султанов К.К.* Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Stephanos. 2016. № 3 (17). С. 154—162.
3. *Бурцева Ж.В.* Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. Новосибирск: Наука, 2014.
4. *Москвин Е.* Песни на болоте // Хронос. Всемирная история в интернете. URL: <http://www.hrono.info/text/2011/moskv0411.php> (дата обращения 01.04.2017).
5. *Померанцев Д.* Пригоршня жемчужин / Литературная Россия. 27 января 2012 г. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/5542-oldarchive> (дата обращения 01.04.2017).
6. *Уффельман Д.* Игра в номадизм, или Постколониальность как прием (случай Ильдара Абузярова) / пер. с англ. Н. Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8411> (дата обращения 01.06.2017).
7. *Berry E., Epstein M.* Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York: St. Martin's Press, 1999.
8. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
9. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство—СПБ, 2002.
10. *Genette G.* Palimpsestes, La littérature au second degré. Paris: Seuil, 1982.
11. *Kristeva J.* 1980. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. New York: Columbia University Press.
12. *Семенов И.С.* Глобализация и социокультурная динамика: Личность, общество, культура // Полис. 2003. Вып. 3. С. 5—23.
13. *Глостанова М.В.* Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: УРПС, 2004.
14. *Bhabha H.* Nation and Narration. London; New York: Routledge, 1990.
15. *Bhabha H.* The Location of Culture. New York, 1994.
16. *Derrida J.* 1980. The Law of Genre // Critical Inquiry. Autumn. Vol. 7. No. 1. Pp. 55—81.
17. *Lacan J.* The Language of the Self: The Function of Language in Psychoanalysis. Trans, by Anthony Wilden. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.
18. *Исакова И.Н.* Литературный персонаж как система номинаций. М.: МАКС Пресс, 2011.
19. Поэтическая ономастика. URL: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html> (дата обращения 01.04.2017).
20. *Абузяров И.А.* Курбан-роман: рассказы. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009.
21. *Абузяров И.* О нелюбви. Казань: Идель, 2016.
22. *Аmineва В.Р., Набиуллина А.Н.* Жертвенность и жертвоприношение в прозе И. Абузярова: деконструкция мифологических сюжетов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (74). В 2 ч. Ч. 2. С. 10—12.

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан (проект № 16-14-16010).

История статьи:

Поступила в редакцию: 26.10.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Аmineva V.P., Nabiullina A.N. Номинация как способ идентификации персонажа в прозе И. Абузарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 98—109. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-98-109

Сведения об авторах:

Аmineva Венера Рудалевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: amineva1000@list.ru

Набиуллина Аделя Наилевна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: scar-sky@rambler.ru

NOMINATION AS THE WAY OF IDENTIFICATION OF A CHARACTER IN I. ABUZYAROV'S PROSE

V.R. Amineva, A.N. Nabiullina

Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation

The study is devoted to the work of the contemporary Russian writer I. Abuzarov, whose prose reveals the interaction of the traditions of Russian, European and Eastern cultures. This interaction is shown at the level of the world created in works of an image, their subject and composite structure, the existential and subject organization, figurative system, etc. The problem of interaction of different national traditions in an esthetic field of Russian-speaking literature which status causes discussions in modern literary criticism, is up to date.

The research is in a context of the ideas of transculturality and productive cultural “hybridism” which are actively developed in foreign and Russian literary criticism. Theoretically significant and not studied in the concrete historical plan aspect — research of the sphere of characters and system of their nominations is chosen. Two main ways of designation of the characters used by the writer which correspond to two concepts of the personality are defined and come from the genre nature of works and the principles of the organization of their subject sphere.

Key words: modern Russian prose, cultural border zone, poetic onomastics, cultural codes, concept of the personality

REFERENCES

1. Leiderman, N.L. 2005. Russkoyazychnaya literatura — perekrestok kul'tur [Russian-Language Literature as a Crossroads of Cultures]. *Russkaya literatura XX—XXI vekov: napravleniya i techeniya* 8: 48—59. (in Russ.)
2. Sultanov, K.K. 2016. Russkoyazychnaya literatura kak kul'turnyi fenomen i ob"ekt issledovaniya [Russian-Language Literature as a Culture Phenomenon and the Object of Study]. *Stephanos* 3 (17): 154—162. (in Russ.)
3. Burtseva, Zh.V. 2014. Russkoyazychnaya literatura Yakutii: khudozhestvenno-esteticheskie osobennosti pogranich'ya [Russian-Language Literature of Yakutiya: Artistic and Aesthetic Features of the Borderland]. Novosibirsk: Nauka. Print. (in Russ.)
4. Moskvин, E. 2011. Pesni na bolote [Songs on the Swamp]. *Khronos. Vsemirnaya istoriya v internete.* <http://www.hrono.info/text/2011/moskv0411.php> (Date of access: 01.04.2017). Web. (in Russ.)
5. Pomerantsev, D. 2012. Prigorshnya zhemchuzhin [Handful of Pearls]. *Literaturnaya Rossiya.* <http://www.litrossia.ru/archive/item/5542-oldarchive> (Date of access: 01.04.2017). Web. (in Russ.)
6. Uffel'man, D. 2017. Igra v nomadizm, ili Postkolonial'nost' kak priem (sluchai II'dara Abuzyarova) (per. s angl. N. Stavroginoi) [II'dar Abuziarov's. Postcolonial Play with Nomadic Masculinity]. *Novoe literaturnoe obozrenie. 2.* <http://www.nlobooks.ru/node/8411> (Date of access: 01.06.2017). Web. (in Russ.)
7. Berry, E., and M. Epstein. 1999. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication.* New York: St. Martin's Press. Print.
8. Bakhtin, M.M. 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity].* 2-nd ed. Moscow: Iskusstvo. Print. (in Russ.)
9. Lotman, Yu.M. 2002. *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury [History and Typology of Russian Culture].* St. Petersburg: Iskusstvo—SPB. Print. (in Russ.)
10. Genette, G. 1982. *Palimpsestes, La littérature au second degré.* Paris: Seuil. Print.
11. Kristeva, J. 1980. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art.* New York: Columbia University Press. Print.
12. Semenenko, I.S. 2003. *Globalizatsiya i sotsiokul'turnaya dinamika: Lichnost', obshchestvo, kul'tura [Globalization and Socio-Cultural Dynamics: Personality, Society, Culture]* *Polis* 3: 5—23. Print. (in Russ.)
13. Tlostanova, M.V. 2004. *Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda [Post-Soviet Literature and Aesthetics of Transculturation. To Live Never, To Write from Nowhere].* Moscow: URSS. Print. (in Russ.)
14. Bhabha, H. 1990. *Nation and Narration.* London; New York: Routledge. Print.
15. Bhabha, H. 1994. *The Location of Culture.* New York. Print.
16. Derrida, J. 1980. *The Law of Genre.* *Critical Inquiry.* 7(1): 55—81. Print.
17. Lacan, J. 1998. *The Language of the Self: The Function of Language in Psychoanalysis.* Trans. by Anthony Wilden. Baltimore: Johns Hopkins University Press. Print.
18. Isakova, I.N. 2011. *Literaturnyi personazh kak sistema nominatsii [Literary Character as a System of Nominations].* Moscow: MAKS Press. Print. (in Russ.)
19. *Poeticheskaya onomastika [Poetic Onomastics].* <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html> (Date of access: 01.04.2017). Web. (in Russ.)
20. Abuzyarov, I.A. 2009. *Kurban-roman: rasskazy [Kurban-novel: short stories].* Moscow: Tsentr knigi VGBIL im. M.I. Rudomino. Print. (in Russ.)
21. Abuzyarov, I. 2016. *O nelyubvi [About Non-Love].* Kazan': Idel'. Print. (in Russ.)
22. Amineva, V.R., and A.N. Nabiullina. 2017. *Zhertvennost' i zhertvoprinoshenie v proze I. Abuzyarova: dekonstruktsiya mifologicheskikh syuzhetov [Sacrifice and Immolation in Abuzyarov's Prose: Deconstruction of Mythological Plots].* *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov: Gramota. 8 (74): 10—12. Print. (in Russ.)

Funding:

The study was carried out with the financial support of the RFBR grant and the Government of the Republic of Tatarstan (Project No. 16-14-16010).

Article history:

Received: 26.10.2017

Accepted: 27.12.2017

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Amineva, V.R., and A.N. Nabiullina. 2017. "Nomination as the Way of Identification of a Character in I. Abuzarov's Prose". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 98–109. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-98-109

Bio Note:

Amineva Venera Rudalevna is a Doctor in Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature of Kazan Federal University. E-mail: amineva1000@list.ru Senior Researcher at

Nabiullina Adelya Nailevna is a Post-Graduate Student at the Department of Russian and Foreign Literature of Kazan Federal University. E-mail: scar-sky@rambler.ru